Ада Сенсум

На трезвую голову

#1

Книга для людей с открытым сознанием

Ада Сенсум
На трезвую голову

https://litres.ru/74784382
SelfPub; 2026

Аннотация

«На трезвую голову» — это интеллектуальный манифест критического мышления и сборник из 36 острых публицистических эссе.

Автор препарирует привычные социально-политические мифы, механизмы массовой культуры, экономические иллюзии и исторические фальсификации, доказывая: большинство феноменов, которые мы привыкли считать незыблемой нормой, представляют собой либо системные сбои, либо результат прагматичной социальной инженерии.

Структура книги построена по принципу расширяющейся спирали — от деконструкции бытовых и исторических мифов к анализу глобальной политики, институтов власти и цифрового будущего.

Содержание

Зачем нам трезвая голова в пьянеющем мире 4
Раздел I. Демонтаж мифов: История, коллективная память и традиции 6
Эквилибристика духа 7
«Но уже — москвичи» 12
Почему лагерная драма Александра Галича оказалась бесконечно далека от советской реальности 16
Подвиг как маркер системного сбоя 21
Упущенный шанс инженера Оболенского 26
Синдром крашеной скамейки, или Почему мы делаем то, не знаем что 31
Эволюция праздничного абсурда 35
Раздел II. Изнанка власти: Политический цирк и бюрократический паноптикум 41
Homo Bureaucraticus, или Подвид Неистребимый 42
Конец ознакомительного фрагмента. 46

На трезвую голову

Зачем нам трезвая голова в пьянеющем мире

Человеческий разум обладает удивительным свойством: он панически боится хаоса и неопределенности. Чтобы не сойти с ума от сложности окружающего мира, мы ежесекундно конструируем удобные иллюзии. Мы заменяем запутанную реальность понятными мифами, сложную политику — простыми лозунгами, а живую человеческую драму — утешительными сценарными штампами.

Мы живем в эпоху постоянного информационного опьянения. Нас убаюкивают отполированные медийные образы, уютные корпоративные ритуалы, «экологичный» новояз и сладкие сказки об идеальном прошлом или гарантированном технологическом будущем. И в этом нескончаемом потоке шума самым дефицитным продуктом становится способность остановиться, зафиксировать реальность и взглянуть на вещи **на трезвую голову**.

Эта книга — не сборник готовых истин и не учебник по «правильной» жизни. Это попытка расколдовать привычное. Это приглашение к интеллектуальному отрезвлению для людей, обладающих **открытым сознанием** — то есть способ-

ностью сомневаться, искать скрытые механизмы и не бояться сложного.

Тексты, собранные под этой обложкой, охватывают самый широкий спектр человеческой деятельности. На первый взгляд может показаться, что темы статей разбросаны от советской эстрады и голливудских триллеров до квантовой футурологии и криптовалютных спекуляций. Однако все они объединены единой исследовательской оптикой.

Эта книга не претендует на то, чтобы понравиться каждому. Более того, с некоторыми её выводами вы, скорее всего, захотите поспорить. И это замечательно.

Единственное, о чем автор просит читателя, открывающего страницы этой книги — **оставить за порогом предубеждения**. Не ищите здесь подтверждения своим привычным взглядам. Позвольте себе усомниться. Сомнение — это не слабость, это единственный инструмент, сохраняющий разум живым.

Добро пожаловать в путешествие. Держите голову трезвой.

Раздел I. Демонтаж мифов: История, коллективная память и традиции

Мы привыкли воспринимать прошлые эпохи через сглаживающий фильтр кинематографа, учебников и праздничных ритуалов. Однако если снять с истории глянец, за идеализированным «благородством» дворянства часто обнаруживается сословный инфантилизм, за песенной пропагандой равенства — столичный снобизм, а за лагерной лирикой — глубокий разрыв между представлением интеллигенции и суровым бытом рабочего класса.

В этом разделе автор приглашает читателя сделать первый и самый главный шаг — научиться отделять реальную историческую фактуру от медийного мифа и осознать, что уважение к прошлому начинается с честного взгляда на его ошибки.

Эквилибристика духа

Как «Сибирский цирюльник» Михалкова превратил системный кризис в «гордость нации»

В 1998 году Никита Михалков представил миру свой самый амбициозный, дорогостоящий и масштабный проект — «Сибирский цирюльник». Фильм изначально создавался как монументальный памятник утерянной дореволюционной России, грандиозный экспортный продукт и гимн русскому офицерству, увенчанный пафосным финальным титром: *«Гордости Отечества нашего — русским офицерам посвящается»*. Однако при трезвом, очищенном от кинематографического глянца анализе картина обнаруживает глубочайший внутренний раскол. Вместо манифеста патриотизма зритель получает антологию сословного инфантилизма, варварства и логического абсурда.

Импульсивный эгоист как «гордость нации»

Главный герой картины, юнкер Андрей Толстой, преподносится режиссером как эталон благородства и жертвенности. Но какова цена его «подвига»? Влюбившись в заезжую иностранку с сомнительным прошлым, Толстой совершает акт абсолютного должностного и личного преступления. Прямо во время любительского спектакля, сорвавшись со сцены, он устраивает безобразную драку в зрительном зале с генералом Радловым — просто потому, что его уязвленное

эго не выдержало вида соперника рядом с Джейн.

Этим минутным порывом ярости Толстой не просто ломает собственную жизнь. Он обнуляет годовой труд всего училища, позорит кадетское братство перед лично присутствующим государем и подставляет под жёсткие взыскания своих товарищей и командиров. В реальной армейской структуре такой персонаж — это не герой и не мученик. Это глубоко ненадежный, ментально нестабильный человек, с которым, как принято говорить, «нельзя пойти в разведку».

Более того, хваленая «дворянская честь» Толстого мгновенно испаряется, когда дело касается низших сословий. Ради покрытия «священного» карточного долга он без колебаний забирает последние три рубля (месячное жалованье!) у своей горничной Дуняши. Этот сословный цинизм — ярчайший маркер эпохи. Элита, готовая стреляться на дуэлях из-за заезжих дам, но видящая в собственном народе лишь бесправную прислугу и декорацию, закономерно шла к катастрофе 1917 года.

Офицерская подготовка и вокзальный абсурд

Особого внимания заслуживает то, как Михалков показывает быт и воспитание будущих защитников империи. Нам демонстрируют, как юнкера танцуют, натирают полы, маршируют, стоят в наказание на одной ноге и устраивают запрещенные дуэли. Их держат в искусственном романтическом коконе, где внешняя атрибутика, балы и умение держать осанку кажутся куда более важными вещами, чем ре-

альная подготовка к грядущим технологическим войнам XX века. Армейское руководство в лице капитана Мокина при этом погрязло в мелочном бытовизме, строча на швейной машинке.

Апофеозом этого кастового абсурда становится сцена на вокзале, когда Толстого увозят на каторгу. Сокурсники устраивают публичные рыдания, а капитан, вылупив глаза, отдает честь вагону с осужденным преступником. За что? Какой подвиг совершил Толстой? Он предал присягу, подставил училище и совершил уголовное преступление. Но воинская верхушка салютует ему как герою просто потому, что он «свой» и пострадал ради «великой страсти». Эта сцена наглядно показывает, что внутренний кодекс касты для этих людей стоял выше государственного долга и закона. С такой дезориентированной системой ценностей армия была обречена проиграть Октябрьскую революцию прагматичным, злым и чётко понимающим свои цели рабочим и крестьянам.

Любование варварством под видом «русского духа»

Центральная массовая сцена фильма — празднование Масленицы — подается Михалковым с особым упоением. На экране разворачивается ярмарочный балаган: блины размером с колесо, водка вёдрами, драки «стенка на стенку», привязанная на морозе экзотическая обезьяна и медведь, которого насильно поят алкоголем. Апогеем этого «праздника жизни» становится генерал Радлов, который в пьяном угаре

грызёт стеклянные стаканы и разгоняет карликов-скоморохов.

Режиссёр пытается продать западному зрителю концепцию «великого русского парадокса»: способность упасть на самое скотское дно, чтобы на следующий день, в Прощёное воскресенье, театрально рыдать, целовать землю и просить у всех прощения. Однако то, что Михалков считает «широтой и удалью души», со стороны выглядит как пугающая эмоциональная неуправляемость и биполярность армейской верхушки. Если страной и войсками руководят люди, живущие исключительно животными инстинктами и покаянным аффектом, то гибель такого государства становится лишь вопросом времени.

Американский балаган и «генетический код»

Финальный аккорд фильма переносит действие в американский военный лагерь, где потомок Толстого и Джейн, кадет Эндрю, вступает в абсурдную войну с сержантом О'Лири. Парень отказывается снять портрет Моцарта, раз за разом повторяя в противогазе: *«Моцарт — великий композитор!»*. Сержант в итоге ломается и перед всем строем признает превосходство курсанта.

Эта линия превращает историческую драму в откровенный комедийный фарс. Во-первых, потомок не унаследовал от отца ничего: Толстой-старший действовал в порыве слепой ревности, а Толстой-младший демонстрирует сухое, системное упрямство. Во-вторых, сцена полностью перечерки-

вает законы армейской дисциплины. В любой армии мира за систематический публичный отказ подчиняться приказу кадета вышвырнули бы со службы в течение суток. Идея о том, что прожжённый американский сержант проникнется любовью к классической музыке из-за строптивого новобранца, смехотворна. Простая логика подсказывает: любишь Моцарта — иди в консерваторию. В армии обоим поколениям Толстых делать было решительно нечего.

Заключение

Никита Михалков снял красивое и дорогое кино. Но пытаясь скрестить французскую мелодраму о роковой страсти с патриотическим эпосом о величии Империи, он невольно вынес этой самой Империи приговор.

«Сибирский цирюльник» — это фильм не о гордости русского офицерства, а о его трагической деградации. За глянцевым фасадом из бальных танцев, идеального мундира и (почему-то) английской речи скрывается фатальный инфантилизм элиты, которая умела красиво страдать и вальсировать, но оказалась совершенно неспособна управлять, просчитывать риски и защищать свое Отечество.

«Но уже — москвичи»

Как советские песни создавали высшую касту по праву прописки

Если открыть любой советский учебник по истории искусств, там обязательно будет написано, что советская культура была глубоко народной, эгалитарной и воспевала равенство всех трудящихся. Шахтёр из Кузбасса, ткачиха из Иваново и сталевар из Магнитогорска официально считались хозяевами страны. Но стоило советским поэтам-песенникам взяться за тему столицы, как сквозь суровый пролетарский фасад начинал со страшной силой пробиваться чистейший, дистиллированный столичный снобизм. В государственной мифологии СССР Москва незаметно превратилась в закрытый элитарный клуб, а статус «москвича» стал главной жизненной привилегией.

Сюжет первый: Курортный роман сталинского ампира

В ноябре 1941 года, когда враг стоял у порога столицы, на экраны вышел легендарный фильм Ивана Пырьева «Свинарка и пастух». Советские люди плакали от прилива патриотизма, слушая финальную «Песню о Москве»:

«Друга я никогда не забуду, если с ним подружился в Москве».

Если вдуматься в эти строки с точки зрения элементар-

ной житейской логики, звучит это как минимум обидно для остальной части страны. Получается, если простой советский человек завязал крепкую дружбу в Куйбышеве, Челябинске или Горьком, то грош цена таким чувствам — их можно со спокойной совестью забыть. Настоящие, «незабываемые» человеческие отношения, согласно авторам песни, имели эксклюзивный срок годности только в том случае, если скреплялись под кремлевскими звёздами.

Для авторов картины (столичных жителей с хорошими пайками) остальной страны как бы не существовало — она была лишь безликим поставщиком свиней и овец на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку (ВСХВ). Поездка в Москву для колхозника, не имевшего на руках даже паспорта и работавшего за «палочки»-трудодни, была главным чудом в жизни. В состоянии этой эйфории герои впадали в коллективный психологический гипноз. Но стоило Глаше и Мусаибу вернуться из сверкающей павильонами столицы обратно в свои полуголодные деревни, как «незабываемая московская дружба» моментально разбивалась о суровую реальность советского быта. Но пропаганда требовала зафиксировать: Москва — это плавильный котёл империи, и всё, что происходит внутри Садового кольца, священно по определению.

Сюжет второй: Главное достижение в роддоме

Спустя сорок лет, в эпоху позднего застоя, столичный эгоцентризм советских авторов эволюционировал в еще более

курьёзную форму. В детском репертуаре появилась бодрая патриотическая песня Юрия Чичкова на стихи Роберта Рождественского «Просто девочки, просто мальчики». Её слова заслуживают места в учебниках по социологии:

«Мы с тобой уже с рождения —
Москвичи!
Мы судьбу свою только начали,
Просто девочки, просто мальчики,
Но уже — москвичи!»

Вдумайтесь в этот потрясающий оборот. Противительный союз **«НО»** здесь выполняет монументальную задачу. Он буквально транслирует ребенку: «Да, ты еще ничего в этой жизни не добился. Ты не умеешь завязывать шнурки, не прочитал ни одной книги, не совершил ни одного подвига. Ты просто маленький глупый карапуз. **НО** у тебя уже есть величайшая заслуга перед Родиной — Москва навсегда вписана в твоё в свидетельстве о рождении!»

В условиях жёсткого советского дефицита и паспортного режима Рождественский, сам бывший частью высшей номенклатурной элиты, транслировал чистейшую кастовую привилегию. Быть москвичом с рождения означало автоматически получить доступ к лучшему в стране снабжению, ради которого жители провинции штурмовали «колбасные поезда», элитным вузам, театрам и спецраспределителям. Пока дети в провинциальных городах стояли с мамами в многочасовых очередях за крупой и молоком, московский дет-

ский хор весело пел из радиоприемников на всю страну о своем врождённом превосходстве. Представить себе песню со строчками *«просто мальчики, но уже — пензяки»* или *«но уже — костромичи»* было физически невозможно. В советской иерархии это звучало бы не как гордость, а как утешительный диагноз.

Иллюзия равенства

Советские поэты искренне считали себя выразителями дум простого народа, но оставались бесконечно далеки от него. Прославляя интернационализм и равенство, они сыто обустраивали свой столичный быт и невольно закладывали в головы миллионов людей комплекс неполноценности. Москва в их стихах и песнях представала не просто географической точкой, а витриной сытой, недостижимой жизни, где даже дети рождались «первым сортом». Вся остальная огромная страна за пределами столицы оставалась лишь блеклым фоном, обязанной безропотно слушать гимны о величии тех, кому повезло подружиться или родиться в правильном месте.

Почему лагерная драма Александра Галича оказалась бесконечно далека от советской реальности

Песня Александра Галича «Облака» (1962 год) традиционно считается одним из главных памятников хрущевской «оттепели». Трагическая история безымянного зэка, отсидевшего двадцать лет на Колыме и пытающегося встроить себя в мирную жизнь, до сих пор пробирает до слёз. Но если отложить в сторону эмоции и посмотреть на текст глазами человека, знавшего советский быт не из окон московских высоток, то культовое стихотворение рассыпается на множество бытовых нестыковок. Великий бард искренне сочувствовал трагедии репрессированных, но быт простого работяги конструировал исключительно умозрительно. Как говорили классики: «Страшно далеки они от народа».

Миф №1. Интеллигентские «переводы» вместо пролетарской получки

Строки, с которых начинается бытовая часть песни, звучат ритмично и красиво:

«А мне четвёртого — перевод,
И двадцать третьего — перевод…»

Для Александра Галича, элитарного и чрезвычайно высокооплачиваемого советского драматурга, слово «перевод» было естественным синонимом прихода денег. Творческая интеллигенция получала свои огромные гонорары от министерств, театров и киностудий именно переводами — почтовыми или на сберкнижку.

Но как получали деньги миллионы советских работяг в 1962 году? Исключительно наличными, отстояв живую очередь к окошку кассы родного завода или фабрики, расписываясь в бумажной ведомости. Оформить перечисление на «книжку» в сберкассе теоретически было можно, но в начале 60-х это были единичные случаи, а уж почтовыми переводами зарплату предприятия не рассылали никому. Любой настоящий пролетарий спел бы: *«А мне четвёртого — получка, и двадцать третьего — аванс»*. Но эти приземлённые слова ломали поэтическую изысканность текста Галича, и он легким росчерком пера превратил заводской аванс в интеллигентский перевод.

Миф №2. «Полстраны сидит в кабаках»

Главный и самый гротескный образ песни — массовый кутеж советских граждан:

«И по этим дням, как и я, полстраны сидит в кабаках!»

Здесь Галич совершает колоссальную географическую и социальную ошибку. Культура «посиделок» в заведениях вне дома, столь привычная для Европы, в СССР в принципе не была массовой. Рестораны стоили дорого, их было мало,

а в небольших провинциальных городах на 20–30 тысяч жителей «кабаков» в ресторанном понимании не существовало вовсе.

Как выглядел день получки в реальной советской провинции? Мужчины штурмовали гастрономы, покупали бутылку водки, «соображали на троих» и шли закусывать домой или во двор — тем, что бог послал. В выходные выстраивались огромные очереди к пивным ларькам со своими бидонами и банками. Женщины, которые тоже трудились на заводах и получали зарплату, в пивные не ходили вовсе — они стояли в очереди за необходимыми продуктами. Назвать привокзальные рюмочные и пивные пятачки «кабаками, где сидит полстраны», мог только москвич, привыкший наблюдать за очередями на входе в столичные рестораны.

Миф №3. Цыпленок табака и ананасы в заплеванной пивной

Но самый поразительный парадокс кроется в меню главного героя:

«Я в пивной сижу, словно лорд…
А я цыпленка ем табака,
Я коньячку принял полкило…
Эй, подайте мне ананас
И коньячку еще двести грамм!»

Словосочетание «сижу в пивной» сразу рисует нам типичную советскую «стекляшку» с липкими столами и разбавленным жигулевским. И вот в этом антураже герой Галича

требует ресторанный шик — дефицитного цыпленка табака и в общей сложности 700 грамм дорогого коньяка. Апофеозом этого карикатурного богатства становится требование «подать ананас» — прямая отсылка к буржуазному шику из стихов Маяковского.

Фраза «сижу, словно лорд» выдает суть: дело не в статусе заведения, а именно в толщине кошелька. На фоне полуголодных, экономящих работяг бывший зэк со своими деньгами чувствует себя королем. Но даже если предположить, что он решил устроить безумный загул на всю получку, чтобы заглушить «шмона гам» в ушах — он физически не мог бы делать это дважды в месяц регулярно. Никакого бюджета простого работяги не хватило бы на такие выкрутасы каждые две недели. Более того, 1962–1963 годы — это период жесточайшего хрущевского продовольственного кризиса, когда из магазинов провинции исчезали даже крупы, мука и белый хлеб. На этом полуголодном фоне ананасы и коньячные литры выглядят чистой поэтической фантазией, оторванной от размера реальной рабочей получки.

Поэтическая правда против правды жизни

Александр Галич написал великую песню, точно передавшую психологический надрыв человека, у которого лагерь отобрал 20 лет жизни. Его герой безумно одинок, у него нет семьи и будущего, и в дни получки он пытается купить себе иллюзию счастья и легальной свободы.

Но создавая этот образ, Галич остался сытым московским

барином. Он не знал, как пахнет реальная советская пивная в Абакане, сколько копеек остаётся у рабочего после покупки продуктов, и что «цыпленок табака» для жителя маленького городка был такой же экзотикой, как и полет на Луну. «Облака» — это блестящая ролевая драма, которая навсегда останется в истории искусства. Но изучать по ней реальный быт советского рабочего класса — дело совершенно безнадёжное.

Подвиг как маркер системного сбоя

Почему Павка Корчагин не сумел бы жить в мирное время

История советской литературы и — шире — советского государства держится на фундаменте культа массового героизма. Главным каноническим текстом этого культа десятилетиями оставался роман Николая Островского **«Как закалялась сталь»**. Образ Павла Корчагина, преодолевающего тиф, мороз, голод и ранения, преподносился как абсолютный этический идеал.

Однако если убрать из фокуса обязательную идеологическую агитацию и взглянуть на текст трезвым, современным взглядом, роман открывается как глубочайшая драма. Драма о том, как человеческая жизнь становится бесплатным топливом для исправления чужих катастрофических ошибок, и о том, как культ штурмовщины калечил самые преданные и чистые души.

Подвиг на месте чужого разгильдяйства

В основе любого массового подвига почти всегда лежит одна и та же негласная формула: **героизм одних** — это прямое следствие **халатности, глупости, бездарного управления или предательства** других. Если государственная или экономическая система работает как часы, подвиги про-

сто не требуются. Ежедневный честный труд делает героизм излишним.

Самый драматичный и известный эпизод романа — строительство узкоколейки в Боярке зимой 1921 года — идеальная иллюстрация этого тезиса. Киев замерзает, над городом висит угроза тифа и массовой гибели людей от холода. Спасение есть — в лесу заготовлены гигантские объемы дров. Но доставить их невозможно.

Почему? Выясняется, что руководившие лесозаготовками специалисты (в романе — скрытые контрреволюционеры и саботажники) намеренно вели вырубку в самой чаще, в шести верстах от железнодорожной станции. А советское руководство, не разбиравшееся в логистике, послушно этот абсурдный план утвердило. Когда ударили морозы и дороги превратились в лёд, выяснилось: дрова есть, но забрать их нельзя.

Как решает эту проблему молодая власть? У неё нет времени на суды, нет техники, нет ресурсов. Вместо этого в топку кризиса бросают самый доступный и возобновляемый ресурс — комсомольцев. Молодые парнишки без тёплой одежды, без обуви, впроголодь строят узкоколейку по замерзшей земле. Они исправили чужую ошибку. Но какой ценой? Ценой собственного здоровья и жизней.

Институционализация аврала

Советская система быстро поняла, что «героический порыв» — это отличный способ экономить на условиях тру-

да и качестве управления. Зачем выстраивать грамотную логистику, закупать качественное оборудование и обеспечивать безопасность, если можно объявить очередной «трудовой фронт»?

Так в обиход вошли термины, маскирующие штурмовщину: *битва за урожай, ударные стройки, пятилетку - досрочно*. Вся мирная жизнь превратилась в бесконечную войну с бытом и природой. Людей десятилетиями «бросали» то на овощебазы, то на уборку, то на заводы. Подвигом и красивыми лозунгами банально прикрывали нищету и управленческую неэффективность.

Трагедия Павки Корчагина в том, что он стал идеальным продуктом этой системы. Он умеет воевать, умеет преодолевать, умеет умирать на строительстве узкоколейки. Но он абсолютно **не умеет жить в мирное время**, где нужно просто изо дня в день делать свою работу. Как только наступает затишье, Корчагин увядает. Его стихия — экстремальный кризис. И когда система вырабатывает его ресурс до конца, превращая к 24 годам в слепого инвалида, он оказывается ей не нужен. Его спасает только то, что он находит в себе силы написать книгу — превратить свою трагедию в новое идеологическое оружие.

Милосердная смерть: почему Островскому повезло уйти в 1936-м

Роман «Как закалялась сталь» неотделим от личности его автора. Николай Островский писал Павла Корчагина с само-

го себя, надиктовывая текст будучи полностью парализованным и слепым. Его культовая цитата о том, что жизнь надо прожить так, *«чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы»*, была его личной психологической бронеей. Ему было жизненно необходимо верить, что его страдания и потерянное здоровье — не напрасны, что они служат Великой Идее.

Островский умер в декабре 1936 года в возрасте 32 лет. Его уход на пике всесоюзной славы, в окружении почета и мешков писем со всего мира, часто называют трагическим. Но с исторической точки зрения эта ранняя смерть была для него величайшим везением.

Если бы писатель прожил еще хотя бы год, его идеальный, романтический мир революции был бы уничтожен на его глазах. В 1937 году начался **Большой террор**. Сталинская репрессивная машина начала пожирать тех самых «железных большевиков», комдивов и партийных лидеров Гражданской войны, которых Островский боготворил и с которых писал своих героев. Их объявляли шпионами, предателями и расстреливали тысячами.

Цензоры уже при жизни автора начали аккуратно вымарывать из романа имена тех соратников Островского, кто попал в опалу (например, упоминания сторонников Троцкого). Проживи Островский до 1937–1938 годов, перед ним встал бы страшный выбор: либо признать, что система, ради которой он отдал жизнь, превратилась в кровососущего монстра,

либо сойти с ума от неразрешимого внутреннего противоречия.

Николай Островский ушел вовремя. Он умер, сохранив свою слепую, яростную веру в светлое будущее. Он так и не узнал, что закаленная им сталь в итоге превратилась в топоры палачей, которые вырубили под корень то самое поколение романтиков, к которому принадлежал он сам.

Упущенный шанс инженера Оболенского

Какой могла быть Россия без «вождей» и «шоковой терапии»

В мае 1989 года миллионы советских граждан, затаив дыхание, следили за телетрансляцией I Съезда народных депутатов СССР. Это было время, когда политика творилась в прямом эфире. Именно тогда на трибуну поднялся скромный инженер-конструктор из Полярного геофизического института Александр Оболенский. Он сделал то, что казалось немыслимым: объявил о самовыдвижении на пост главы государства в противовес самому Михаилу Горбачёву.

Оболенского предсказуемо «задвинули», не допустив до голосования. Но что, если бы история пошла иначе? Если бы съезд, уставший от партийной номенклатуры, совершил чудо и выбрал заполярного инженера?

Бунт против «одобрительного большинства»

Александр Оболенский не был профессиональным политиком. Он олицетворял советскую техническую интеллигенцию — мыслящую, знающую цену труду и глубоко разочарованную фальшью партийных лозунгов. Его выдвижение не было жаждой власти. Это был инженерный расчёт, направленный на взлом системы. Оболенский открыто заявил: он

понимает, что не победит, но хочет создать юридический прецедент альтернативных выборов.

Его поддержали титаны духа — академик Андрей Сахаров, штангист Юрий Власов и Межрегиональная депутатская группа. Но «агрессивно-послушное большинство» съезда испугалось. Вместо честной борьбы в кабинах для голосования номенклатура просто заблокировала внесение его имени в бюллетени.

Что было бы, если… (Альтернативный сценарий)

Если бы Оболенский победил, СССР, а вслед за ним и Россия, пошли бы по принципиально иному историческому маршруту.

Парламентская республика вместо «культа личности». Программа Оболенского строилась на диктатуре закона, а не вождей. Страна развивалась бы по классической европейской модели: сильный профессиональный парламент и техническое, сменяемое правительство. В такой системе появление «незаменимых» лидеров и жёсткой исполнительной вертикали было бы институционально невозможно.

Капитализм с человеческим лицом. Вместо разрушительной «шоковой терапии» Гайдара и Чубайса, Оболенский, как социал-демократ, предлагал эволюционный путь. Заводы и фабрики передавались бы в долевую собственность трудовых коллективов (как в Югославии или по схеме Святослава Федорова). Мы получили бы сильный класс мелких собственников и мощный госсектор вместо дикой олигархи-

ческой приватизации.

Мягкий развод или конфедерация. Оболенский как законник не стал бы удерживать республики силой КПСС, как это делал Горбачёв, но и не стал бы подписывать поспешные Беловежские соглашения, как Ельцин. Вероятно, Прибалтика ушла бы мирно и сразу, а славянское ядро и Центральная Азия переформатировались бы в жизнеспособный экономический союз без последующих кровавых региональных конфликтов.

Почему этого не случилось?

История не терпит сослагательного наклонения по двум главным причинам:

Аппаратный страх: Партийная верхушка панически боялась потерять монополию. Пропустить Оболенского означало признать, что страной может управлять не генеральный секретарь, а условный «человек с улицы».

Запрос общества на популизм: Советский человек, уставший от дефицита и серости, ждал не скучных юридических процедур и долгой работы, а чуда. Поэтому потом массам больше приглянулся харизматичный, громкий и радикальный Борис Ельцин, обещавший быстрые и простые решения.

Кто от этого выиграл и кто проиграл?

Выиграла от блокировки Оболенского старая номенклатура, которая чуть позже успешно конвертировала свои партийные билеты в заводы, нефтяные вышки и министерские

кресла. Выиграл крупный олигархический капитал, сформировавшийся в 90-е годы на обломках советской индустрии.

Проиграл простой советский (и российский) гражданин. Страна упустила шанс на формирование правовой культуры. Общество согласилось с тезисом, что «парламент — не место для дискуссий», а сильная рука важнее конституции. Платой за это стали расстрел Белого дома в 1993 году, чеченские войны, нищета миллионов пенсионеров и инженеров в 90-е и последующее сворачивание демократических свобод.

Если бы историю можно было повернуть вспять…

Сегодня, оглядываясь назад, понимаешь: инженер Оболенский предлагал России самую дефицитную для неё вещь **— нормальность**. Без надрыва, без великих потрясений, без деления на «красных» и «белых». Это была попытка построить скучное, но сытое, безопасное и справедливое правовое государство.

Если бы в мае 1989 года у депутатов хватило смелости просто бросить бюллетень за инженера из Заполярья, сегодня мы, возможно, жили бы в совсем другой стране. В стране, где закон защищает человека, где экономика работает на созидателей, а власть меняется на регулярных и честных выборах. Мы упустили этот поворот, но чертежи этой «другой России», оставленные Оболенским на трибуне I Съезда, все еще ждут своего часа.

Хотя... Давайте будем честны перед самими собой. Мы ведь видели много прекрасных программ, которые после по-

беды на выборах отправлялись прямиком в мусорную корзину. Политика — жестокая штука, и реальность часто ломает даже самые благородные намерения, превращая вчерашних идеалистов в заложников системы. Не будем безапелляционно утверждать, что в случае с Оболенским всё сложилось бы идеально и безболезненно, но...

Этот выбор, по крайней мере, дал бы нам шанс пойти по пути закона, а не по пути вождей. И саму эту попытку Россия точно заслуживала.

Синдром крашеной скамейки, или Почему мы делаем то, не знаем что

Большинство наших традиций — это бессмысленные действия, которые общество или руководство настойчиво требуют от человека. Мы покорно их выполняем, тратим силы, время и деньги, но если нас спросить «Зачем?», мы лишь растерянно подмигнем и скажем: «Ну, так принято».

Среди военных ходит знаменитый анекдот. В одной части возле скамейки годами стоял часовой. Сменялись призывники, уходили в запас полковники, а караул всё стоял. Пока один дотошный молодой офицер не докопался до истины в архивах. Оказалось, сорок лет назад мимо проходил генерал и бросил адъютанту: «Поставь сюда бойца, скамейку только что покрасили, пусть никто штаны не испачкает». Генерал уехал, краска высохла, а «почётный караул» остался.

Смешно? Безусловно. Но если присмотреться, вся наша жизнь — от высокой аристократии до утренних планерок в офисе — состоит из таких «крашеных скамеек». Мы превратили бытовую логику прошлого в священные ритуалы настоящего, начисто стерев из них здравый смысл. Ударим фактами по всему фронту.

Как маленькая форма победила логику

В одной семье из поколения в поколение передавался

«секретный» рецепт запекания праздничного окорока: перед тем как отправить мясо в духовку, от него обязательно нужно было отрезать ровно четверть. На вопрос зятя, в чем же кулинарная магия, жена ответила: «Так делала моя мама, мясо получается нежнее». Мама ответила то же самое.

Когда допросили 90-летнюю бабушку, та искренне удивилась: «Какая магия? У меня в молодости просто форма для запекания была крошечная, и целая нога туда физически не влезала!»

Формы давно сменились на огромные противни, но традиция продолжала жить, безжалостно калеча праздничное мясо.

Джентльмены, собаки и мертвый след (Великобритания)

Британская охота на лис веками считалась вершиной аристократического досуга. Мужчины в безупречных красных рединготах, породистые гончие, благородные кони. В 2004 году реальную охоту на лис в Англии запретили из соображений гуманности. Что сделали лорды? Свернули лавочку? Как бы не так!

Они изобрели *trail hunting* (охоту по следу). Теперь специальный человек бежит по полям и разбрызгивает искусственный лисий запах, а за ним со всей серьезностью скачет кавалькада из ста собак и пятидесяти джентльменов. Животное никто не спасает и не ловит, практического смысла — ноль. Но традиция требует надеть тесный камзол и скакать

по грязи, потому что «так делал мой прадед».

Свадебный погром по-немецки

В Германии существует свадебная традиция *Polterabend*. Накануне торжества друзья жениха и невесты приходят к их дому и с грохотом бьют о порог фарфоровую посуду, старые раковины и даже унитазы. Молодожёны обязаны всё это молча убирать.

Изначально грохот должен был отпугивать злых духов. Духи давно улетели, но сегодня ритуал превратился в легальный способ для гостей привезти на праздник строительный мусор и посмотреть, как нарядные жених и невеста ковыряются со шваброй в осколках сантехники. Чистый абсурд, возведенный в ранг культурного наследия.

Корпоративный лабиринт: «Мы всегда так делали»

А загляните в любой современный офис. Бизнес, который должен быть эффективным, за занавесками KPI скрывает тонны ритуального безумия:

Ежедневные летучки ради летучек: 15 человек собираются в зуме на сорок минут, чтобы каждый в течение 30 секунд сказал: «Я продолжаю делать то же, что и вчера». Практическая польза? Нулевая. Но если отменить встречу, менеджер почувствует, что теряет контроль над племенем.

Распечатка электронных писем: в эпоху облачных хранилищ и цифровых подписей во многих компаниях до сих пор существует традиция распечатывать согласованные договоры, чтобы... положить их в папку-регистратор на пол-

ку. Зачем? «На случай проверки». Какой проверки? Серверы продублированы трижды, но ритуальный шкаф с макулатурой должен пополняться.

Культ присутствия: сидеть на рабочем месте строго до 18:00, даже если вся работа сделана в два часа дня. Это прямой аналог часового у скамейки. Ты не производишь продукт, ты просто караулишь мебель, чтобы начальник был спокоен.

Почему мы продолжаем играть в эту игру?

Общество и корпорации не любят тех, кто задает вопросы. Проще разбить унитаз, пробежать за искусственным запахом лисы или отсидеть на бессмысленной «летучке», чем объяснять окружающим, почему ты отказываешься тратить на это свою жизнь. Традиция — это самый ленивый способ почувствовать себя «своим» и не высовываться.

Но, может, пора убрать караул у скамейки? Делать что-то только потому, что «так делали до нас» — это добровольный отказ от собственного разума. Давайте возвращать в свои действия смысл. Ну или хотя бы перестанем портить мясо из-за бабушкиного противня.

Эволюция праздничного абсурда

Почему мы бьём женщин вербой, путаем годы и любим лишний выходной

Календарь современного человека — это не просто сетка из 365 дней, а настоящая выставка исторического синкретизма, политических манипуляций и бытовых парадоксов. Мы привыкли отдыхать «по расписанию», поздравлять друг друга с датами, которые высчитаны с ошибками, и совершать ритуалы, истинный смысл которых заставил бы нас содрогнуться.

Если вдуматься, большинство наших праздников сотканы из потрясающих несуразностей.

Как праздники меняют веру (и теряют страшный смысл)

Самый простой способ заставить народ принять новую религию или идеологию — это не запретить старые традиции, а аккуратно их «переписать». Историки называют это религиозной ассимиляцией.

Яркий пример — **Пасха**. В Евангелии вы не найдете упоминаний о крашеных яйцах или куличах. Изначально у кочевых племен это был сугубо практический весенний праздник скотоводов, связанный с окотом скота. Позже, в Ветхом Завете, он трансформировался в Песах — день памяти об Исходе евреев из Египта, когда ангел смерти «прошел

мимо» (*песах* на иврите) домов, отмеченных кровью жертвенного ягнёнка. Христианство сохранило название и весеннее времяпрепровождение, но полностью перевернуло суть, превратив праздник в символ воскресения Христа, а самого Иисуса — в метафорического «Агнца Божьего».

Иногда при таких переносах полностью стирается изначальный контекст. В ночь с 30 апреля на 1 мая в Чехии массово празднуют **Pálení čarodějnic** (Сжигание ведьм). Сегодня это милый семейный празник на природе: дети в забавных костюмах колдунов, пиво, музыка и жареные на костре сосиски. Но за этим весельем скрывается мрачная тень средневековой Европы, где «молот ведьм» отправлял на реальные костры тысячи невинных женщин. Народная традиция сплавила в один котел языческие проводы зимы (где сжигали соломенное чучело) и отголоски реальной охоты на людей, превратив трагедию в весёлое открытие сезона пикников.

Календарная чехарда и парадоксы дат

Праздники, связанные с конкретными историческими личностями, по логике вещей должны быть привязаны к точным датам. Но логика и календарь редко идут руку об руку.

Возьмем фундаментальное противоречие: **почему Рождество зафиксировано, а Пасха «гуляет»?** Иисус Христос не мог умирать и воскресать каждый год в разное время. Дело в том, что Рождество церковь привязала к солнечному календарю (и зимнему солнцестоянию), а Пасху — к лунно-солнечному. Согласно Никейскому собору, Пасха празд-

нуется в первое воскресенье после первого весеннего полнолуния. В итоге из-за разницы лунного и солнечного циклов главные христианские праздники ежегодно мигрируют по календарной сетке в диапазоне более чем в один месяц.

Еще забавнее выглядит **начало нашего летоисчисления**. Мы живем в эре «от Рождества Христова» (Anno Domini). Логично предположить, что Христос родился 1 января 1-го года нашей эры. Однако Рождество празднуется 25 декабря — то есть *до* наступления Нового года. Этот парадокс возник в VI веке из-за просчета монаха Дионисия Малого, вычислявшего даты. Римский гражданский Новый год (1 января) был настолько популярен, что ломать его не стали, а Рождество просто сдвинули на место языческого Дня рождения Непобедимого Солнца. В результате Иисус рождается в самом конце «старого» года, отсчитываемого от Его же рождения.

Дикости и глупости во имя традиций

Каждый год миллионы людей выполняют ритуалы, не имея ни малейшего представления, зачем они это делают.

Крашение яиц: Церковь объясняет это легендой о Марии Магдалине и императоре Тиберии. На деле же во время Великого поста куры продолжали нестись. Чтобы яйца не портились, их отваривали в луковой шелухе, маркируя таким образом варёный продукт. К концу поста накапливались горы цветных яиц, которые и стали символом праздника.

Чешская помлазка (Pomlázka): В Пасхальный поне-

дельник чешские мужчины плетут розги из молодой вербы и бьют ими женщин. С точки зрения христианства — абсурд и насилие. С точки зрения языческой магии — ритуал «омоложения», где сок весеннего дерева символически передает женщине здоровье и фертильность. Во время пандемии этот ритуал и вовсе дошел до политического гротеска, когда премьер-министр Чехии Андрей Бабиш бегал за женой с двухметровой помлазкой, чтобы буквально соблюсти карантинное требование о социальной дистанции.

Ёлочные шары: Сегодня это символ уюта. У древних германцев вечнозелёная ель была обителью духов смерти. Чтобы их задобрить, на ветки развешивали внутренности принесенных в жертву животных. Со временем органы заменили на яблоки и пряники, а затем — на стеклянные шары, под которые мы теперь беззаботно кладем подарки.

Государственные подмены: выходной как взятка

Светские власти пользуются народной любовью к праздникам не менее изящно, чем духовенство. Самый популярный трюк — **идеологическая рокировка**.

В России ярким примером стала замена 7 ноября (Дня Октябрьской революции) на 4 ноября (День народного единства). Государству было необходимо убрать триггер к коммунистическому прошлому, но просто отобрать у людей привычные осенние выходные означало вызвать волну возмущения. Дату изящно сдвинули на три дня назад, привязав к историческому освобождению Москвы от польских интервен-

тов в 1612 году. Идеология поменялась, но народ остался удовлетворен: законные нерабочие дни сохранились.

Подобным образом Франция в свое время заменила монархический День Святого Людовика на День взятия Бастилии (14 июля), а Турция при Ататюрке вытеснила исламские праздники султаната светским Днем Республики. Формула проста: дай людям новый смысл, но оставь им повод не ходить на работу.

Манифест осознанного календаря

Если очистить календарь от шелухи политических переносов, коммерческого маркетинга и забытых средневековых суеверий, то окажется, что человеку для счастья нужны всего два праздника: **Новый год** и **День рождения**.

Эти две даты не навязаны чиновниками или проповедниками. Новый год — это чистая астрономия, рубеж, когда планета завершает свой оборот вокруг Солнца и обновляется весь мир. День рождения — это личный космос, точка отсчёта вашей собственной жизни.

Именно эти два дня требуют не просто обильного застолья и подарков, а внутренней тишины и рефлексии. Это идеальное время, чтобы замедлиться, нажать на паузу и честно спросить себя: *«Что я сделал за этот ушедший год? Куда я иду дальше и чего действительно хочу?»* Чтобы этот диалог с собой состоялся и не был испорчен рабочими задачами, многие справедливо берут отпуск на свой День рождения, превращая его в личную неприкосновенную зону.

Ну а ко всем остальным «красным дням календаря» стоит относиться с долей здорового прагматизма. Если государство, запутавшись в собственной истории или пытаясь навязать очередную патриотическую дату, дарует нам дополнительный выходной — этим нужно пользоваться без лишних угрызений совести. Тот, кто отдыхает, может просто выспаться или побыть с близкими. А тот, кому приходится работать, получает приятный бонус в виде двойной оплаты, которая моментально примиряет с любой календарной несуразностью. В конце концов, совсем не обязательно разделять убеждения политиков или древних друидов, чтобы извлекать из официального календаря личную пользу.

Раздел II. Изнанка власти: Политический цирк и бюрократический паноптикум

Этот раздел книги посвящён препарированию устройства современной государственной машины, природы чиновничьего аппарата и иллюзий демократического выбора. Политический процесс давно вышел за рамки сухих законов и превратился в высокобюджетное шоу, где реальное управление заменено манипуляцией восприятием, а принятие решений — искусством перекладывания ответственности.

С появлением цифровых технологий чиновничество не исчезает, а лишь обретает идеальный щит в виде нейросетевых отписок и «решений алгоритма».

Homo Bureaucraticus, или Подвид Неистребимый

Почему чиновники переживут ядерную войну

В учебниках по биологии незаслуженно обходят вниманием один удивительный подвид человеческой популяции — *Homo Bureaucraticus* (Человек канцеляристский). Пока антропологи спорят о судьбе неандертальцев, этот подвид тихой сапой колонизировал планету, пережил крушение империй, революции и, судя по фантастической литературе, легко переживет даже ядерный апокалипсис.

Анатомия и повадки подвида

Главное эволюционное преимущество *Homo Bureaucraticus* — феноменальная, почти биологическая живучесть. В этом смысле они удивительно похожи на **тараканов**. Судите сами.

Неистребимость: Радиация? Конец света? В романе «Город Эмбер» человечество забилось в подземный бункер, растеряв по дороге технологии, книги и память о прошлом. Но мэр Коул и его преданная обслуга выжили, сохранили свои кресла и деловито принялись распределять дефицитные консервы в пользу собственной закрытой кладовки.

Умение питаться тем, что для других непригодно: Там, где обычный человек видит горы сухой бессмысленной

бумаги или бесконечные цифровые таблицы, Человек канцеляристский находит питательную среду. Из этой макулатуры он строит себе гнёзда (кабинеты) и защитные панцири (инструкции).

Специфическая слепота: Таракан не думает о судьбе дома, в котором живёт, его интересуют только крошки на столе. Так и мэр Эмбера искренне игнорирует тот факт, что главный генератор города бьётся в предсмертных судорогах. Пока в его личной тайной комнате есть ананасы, мир вокруг может спокойно погружаться в вечную тьму.

Главный закон выживания: «Никогда не принимай решений»

Если обычный человек (*Homo Sapiens*) эволюционировал благодаря действию, риску и созиданию, то *Homo Bureaucraticus* выработал диаметрально противоположный механизм — **абсолютный саботаж решений**.

Попав внутрь чиновничьего аппарата (будь то администрация современного города или советское учреждение 1920-х годов), молодая особь сразу получает от старших наставников главный завет: *«Никогда ни за что не отвечай. Ничего не решай сам»*.

В великом романе Ильфа и Петрова «Золотой телёнок» этот механизм описан с хирургической точностью на примере конторы «Геркулес». Глава учреждения, товарищ Полыхаев, настолько устал принимать решения и нести за них ответственность, что заказал себе универсальный резиновый

штамп с набором готовых фраз: *«В ответ на... мы, геркулесовцы, как один человек, ответим...»*. Какая разница, о чём речь — о закупке мебели или чистке дымоходов? Главное — поставить штамп, переложить ответственность на коллектив и уехать на пикник на единственном в городе автомобиле.

Если в Эмбере гаснет свет, мэр Коул не бежит чинить провода. Он делает то, что велит ему инстинкт подвида: **создает комиссию по изучению причин отключения**. Комиссия — это идеальный бюрократический камуфляж. Это коллективный разум, у которого нет конкретного лица, а значит, никого нельзя уволить или наказать, когда город окончательно погрузится во мрак.

Новая эра: ИИ на службе у «тараканов»

Казалось бы, XXI век принес спасение. Появился Искусственный Интеллект, способный мгновенно анализировать данные, безболезненно распределять бюджеты, рассчитывать ремонт дорог и выдавать справки. Логика подсказывает: ИИ должен был вытравить *Homo Bureaucraticus* из их теплых кабинетов, как самый мощный дихлофос.

Но Человек канцеляристский не был бы собой, если бы не умел мутировать.

Вместо того чтобы уступить место алгоритмам, чиновники стремительно приручили ИИ. Теперь нейросети работают не на благо граждан, а на защиту самого аппарата.

Идеальный громоотвод: Раньше чиновник защищался фразой «Вам отказано согласно пункту 4.2». Теперь он

с мягкой улыбкой разводит руками: *«Извините, это не мы, это так решил алгоритм. Программа заблокировала вашу заявку, мы ничего не можем сделать»*. Ответственность за человеческие судьбы окончательно переложена на бездушный код.

Генераторы белого шума: ИИ стал лучшим другом в написании тех самых «отчётов и ответов». Зачем тратить часы на сочинение пустых отписок гражданам? Нейросеть за секунду сгенерирует пятистраничный текст, состоящий из чистейшей, дистиллированной бюрократической «воды», в которой нет ни одного прямого ответа на поставленный вопрос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.